

СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ АНШЛАГ

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Первым главным режиссером нового тысячелетия в Москве стал Андрей Житинкин. Первым и самым молодым в отряде столичных главрежей. Свое первое интервью в качестве художественного лидера Театра на Малой Бронной Андрей дал обозревателю "МК".

Справка: Андрей Житинкин — 40 лет. Выпускник театрального училища имени Щукина, имеет актерское и режиссерское образование. В качестве актера выступал только в дипломных спектаклях, как режиссер сделал более 20 постановок. Известен такими спектаклями, как "Игра в жмурики", "Псих", "Старый квартал", "Мой бедный Марат", "Милый друг", "Нижинский, сумасшедший Божий клоун". Все они несколько сезонов идут с неизменным аншлагом.

— Андрей, какие чувства ты испытал, перейдя из категории очередных режиссеров в главные?

— Чувства определить сложно, но я понял, что в 40 лет мне надоело дарить аншлаги разным театрам Москвы, и захотелось в каком-то одном месте сделать что-то свое.

— Театр на Малой Бронной имеет в Москве репутацию проклятого места. Во всяком случае, творческая судьба его главных режиссеров — Анатолия Эфроса, Сергея Женовача — закончилась весьма печально. Ты не опасаясь своего проклятия?

— Все-таки это не такое проклятое место, как Театр имени Пушкина — бывший Камерный, который режиссер Александр Таиров и его жена, актриса Алиса Коонен, проклинали прилюдно. А через год Таиров умер. Мне кажется, что Бронная, с точки зрения своего расположения, — место как бы намоленное. В свое время здесь работал театр Михозлса, а я его уважаю. Его тень, по моему, хорошая примета. В кабинете директора Ильи Когана до сих пор сохранился стол Михозлса.

А моя молодость пришла на расцвет театра Эфроса. Я помню себя с мятым рубликом в потном кулачке, с помощью которого я пытался протыриться на спектакли Малой Бронной и посмотреть блистательный состав — Ширвиндта, Дая, Каневского, Козакова, Яковлеву, Дурова, Броневого...

— Сейчас ты пришел на Бронную с конкретной программой?

— Да, абсолютно. Я начинаю репетировать одновременно два спектакля — "Портрет Дориана Грея" Оскара Уайльда и "Лулу" Франка Ведекинда. Это авантюрная история знаменитой куртизанки.

— И ты знаешь, кто будет играть главные роли?

— Конечно, знаю. Дориана Грея — **Александр Домогаров**. На роль Лулу я буду приглашать актрису из другого театра. Но ставка будет сделана прежде всего на труппу Малой Бронной, сохранившую, с моей точки зрения, хороший потенциал. Я ведь артистов хорошо знаю по "Нижинскому", где кроме Домогарова играли у меня все эфросовские актеры, много лет находившиеся в тени. Это **Олег Вавилов, Геннадий Сайфулин, Антоненко-Лукокина, Иван Шабалтас, Кирилл Козаков, Елена Смирнова...** Их, и не только их, трагедия заключалась в том, что режиссер **Женовач**, два года руководивший театром, работал только с теми артистами, которых привел на Бронную, и абсолютно не занимался труппой. Плюс есть и другие актеры, которые также не востребованы. Самое приятное, что мастера дали мне полный карт-бланш на приглашение звезд из других театров. Но приглашение со стороны будет продиктовано только репертуарной необходимостью.

— Ты десять лет проработал в Театре им. Моссовета. Кто-то из актеров моссоветовской труппы пойдет за тобой?

— Обязательно. Но это вопрос, как в любви, — взаимности. Я благодарен школе Театра Моссовета, так как мало режиссеров работали с такими звездами, как **Терехова, Талызина, Иванов, Дробышева, Адоскин, Кузнецова...**

— В этом году исполнится 70 лет Льву Дурову. Как думаешь "гулять" юбиляра?

— Лучшие роли Дурова состоялись все-таки на Малой Бронной, и поэтому отмечать его 70-летие мы будем здесь, а не на стороне, например, у Райхельгауза. Специально для Льва Константиновича я буду ставить неизвестную, но блистательную комедию Фридриха Дюрренматта "Метеор". В ней лауреат Нобелевской премии инсценирует собственную смерть, чтобы проверить свое окружение — литературных агентов, друзей, семью — на вшивость.

— Ты назвал три собственные постановки только в сезоне. Значит ли это, что другим режиссерам на Бронную дорога заказана?

— В Театре на Малой Бронной сейчас столько проблем, что я их взыло только на себя. Театр должен ездить на гастроли, на фестивали, его артисты должны знать публика... Я постараюсь за полтора сезона решить эти проблемы, а потом, как только мы вернем в театр зрителя и денежки, я обязательно буду приглашать на постановки молодых. Именно потому, что меня тревожит сложившаяся ситуация — нет поколения, которое идет за нами. Я преподаю в Бостоне теорию режиссуры и на сто процентов знаю, что режиссером можно стать только на практике. Никакие семинары, конференции не могут заменить работу на площадке. Я вообще не верю в режиссеро-теоретиков, а только в режиссеров-практиков.

— А мэтров режиссуры будешь приглашать?

— Если честно, то вряд ли. И не потому, что у меня нет пиетета, а просто поменялось время, и молодому зрителю никакие регалии ничего не говорят. Сегодня зритель безумно ценит время, а время — деньги.

— После такого заявления ты не боишься, что тебя окончательно приговорят как коммерческого режиссера?

— Я к слову "коммерческий" отношусь прекрасно. Так как хорошее коммерческое чутье — это полный зал, новые цены, надбавка к зарплатам актеров, премии. Преданное служение театру, с моей точки зрения, должно быть вознаграждено при жизни.

— Последний вопрос. Став главным, становишься ли ты солидным и уважаемым художником, будешь стесняться своего прежнего имиджа — "скандальный"?

— Больше всего мне хотелось бы не изменять себе. В искусстве всегда ценно новое зрение. Вот Анатолий Эфрос никогда не мог ответить на вопрос, что такое хороший театр, а что — плохой. Он говорил: есть театр живой и неживой. Я придерживаюсь этой же позиции.

Марина РАЙКИНА.